

АННА БАТЛУК

НЕВЕСТА
В ДОЛГ

Анна Батлук

Невеста в долг

«Автор»

2023

Батлук А.

Невеста в долг / А. Батлук — «Автор», 2023

Я никогда не желала интриг и не мечтала стать императрицей. Покой, стабильность и немного денег – высшая мера счастья для меня. Но в спину дышит опека, а Служба имперской безопасности требует выплатить залог за сестру, так что делать нечего: придется участвовать в Отборе невест. И будьте уверены, я сделаю все, чтобы не проиграть.

© Батлук А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Батлук

Невеста в долг

Глава 1

Макс устало, и вместе с тем, как-то обреченно, оттолкнул стакан. Не было в его движении раздражения или злости, но даже если бы и были, члены Совета нисколько не обратили бы на это внимания. Его давно уже не воспринимали всерьез.

Вечный принц, который все никак не мог жениться. Два отбора прошли, а жены все еще нет. У него. На первом отборе жену обрел Виктор – регент, и по совместительству дядя; на втором – ближайший советник, а Макс уже потерял всякую надежду найти любовь.

Члены Совета напрямую говорили, что не любовь основа государства и будущему правителю не пристало цепляться за это несуществующее понятие, но Макс не желал прожить жизнь с человеком, руководствуясь одним чувством долга.

Максимилиан заметил, как советник Нидор переглянулся с Этераном. Трудно сказать, какие отношения могли связывать советника по вооружению и негласного консультанта по внутренней политике планеты Ваоль, но это было подозрительно. Как бы советники не принялись делить Совет на коалиции.

– Что вы решили, Ваше Высочество? – повторил Нидор вопрос, который Максимилиан хотел бы оставить без ответа. – Мы понимаем ваше нежелание спешить – после крайнего отбора прошло всего полгода, но...

А Этеран, который на этом совете, касающемся личной жизни принца, вообще не имел права голоса, вдруг сказал:

– Мой принц, правители союзных планет уже сомневаются в вашей возможности принимать серьезные решения.

Совет замер. Слова были произнесены и если из протокола их можно было вычеркнуть, то из памяти советников едва ли. Максимилиан почувствовал, что находится на острие ножа – один неверный шаг и раскол в Совете приведет к распаду Империи.

Виктор не хватало. Он мог потушить зарождающийся пожар одним только взглядом, но Максиму пора было брать все в свои руки.

– Сомнения излишни, – Макс смотрел на Совет сквозь искажающую призму стакана и видел лишь цветные пятна. – Объявляйте Отбор. В этот раз императрица будет выбрана.

– Алия, в пятую палату! Быстро!

Медбрат Уллис пробежал мимо, неся ворох окровавленных бинтов. Полукровка ангарриец, за счет своей силы и крупной фигуры, бинтов этих мог нести очень много, а значит, мне следовало спешить. Я бросилась в противоположную от Уллиса сторону. Пот стекал по спине, волосы уже давно превратились в тугую колтун, но времени, чтобы привести себя в порядок, не было.

В пятую палат, по умолчанию, укладывали пришельцев с Идельской галактики. И раз уж в это время года, когда у идельцев разгар гона, позвали и меня, значит, дело серьезное.

Подойдя к палате, я одернула жесткую, посеревшую от постоянных стирок форменную рубашку, и постаралась изобразить на лице самое доброжелательное выражение. Уголки губ вверх, глаза не шурить, поза расслабленная – нельзя выказывать даже намек на агрессию, а идельцы способны заметить ее даже в наклоне головы.

– Приветствую в Фрибринской бесплатной имперской... – я осеклась, не договорив заученное название больницы. Хотя вряд ли это вообще интересовало тех, кто к нам когда-

либо попадал – Фрибринская бесплатная имперская больница длительного пребывания была для тех, кто не мог оплатить страховку, и как правило, они нуждались не только в медицинской помощи.

Но сейчас передо мной было существо, вид которого вызывал ужасающую жалость. Огромное тело иделльца было сплошь покрыто сочащимися кровью язвами, правая рука и на руку-то походила только при большом воображении, глаза заплыли, веки опухшие, а изо рта вырывается то ли рычание, то ли стоны.

На мгновение я замерла, не зная, то ли броситься на помощь, то ли отступить, но вовремя опомнилась.

Иделлиеца (а это точно был представитель этой галактики, их ни с кем не спутаешь) дернулся, когда я принялась омыwać его кровь, но не кинулся. Возможно, осознавал, что ему хотят помочь, но скорее всего, просто не имел сил для сопротивления. В любом случае, мне это было на руку.

Когда вернулся Уллис, мы с ним вдвоем сумели подключить пациента к аппаратам и даже, обработать несколько ран. Но странное дело, кровь не сворачивалась и ее натекло уже столько, что будь это не иделлиеца, наша помощь не понадобилась бы. Морг у нас на два этажа ниже.

– Где доктор? – я находилась в отчаянии. Аппарат безостановочно трещал, пациент дышал громко и рвано, а Уллис с остекленевшими глазами выполнял необходимые действия бездумно и как-то даже механически. Вопрос пришлось повторить дважды, прежде, чем Уллис ответил.

– Я звал, – беспомощно отозвался Уллис. – Но сегодня дежурит Илайя.

И я поняла – он бежал сюда, уже зная, что ничего не получится – нам не справиться. Доктор Илайя – ненавидит пришельцев из Иделльской галактики и в свою смену ни к одному из них не приблизится ближе, чем на пять метров. Поступившие в больницу иделльцы или ждали, когда на смену заступит другой доктор, или... не дожидались. А с учетом того, что к нам даже эти гиганты поступали в предсмертном состоянии, без особой надежды, то вторых было намного больше.

– Что же делать? – я судорожно кусала губы. С иделльцем было что-то не так – это не обычное ранение, но моего образования не хватало, чтобы сообразить. – Регенерация клеток и тканей нарушена. Может быть, он принял какие-то препараты?

– Их кровь выжигает любые медикаменты, – напомнил Уллис прописную истину. – И он столько ее уже потерял, что это не имеет никакого значения.

Я заглушила панику. Постаралась дышать ровнее, чтобы успокоиться, окинула взглядом гору окровавленных бинтов, ванночку с красной от крови бинтов и присела на корточки рядом с постелью.

Одежду на иделльце разрезали, открывая доступ к ране, и Уллис уже отнес ее в мусорку. Могучее когда-то тело, которое уничтожало само себя. Я не чувствовала отвращения, хотя и не была привычна к такому зрелищу – в сложных случаях справлялись без меня, был лишь азарт. Желание разобраться. Правда делать это нужно было как можно скорее.

– Края ран черные, – произнесла я. – Ровные. Раны... неглубокие, а хотя нет.

Я удивленно посмотрела на Уллия. – Они разные. Раны разные. И размером и глубиной. И как будто растут... Его кожу что-то разъедает!

Уллис выругался.

– Разве есть что-то, способное воздействовать на кожу иделльца?

Если что-то и было, на курсах медсестер об этом не рассказывали. Мы – вчерашние санитары, едва-едва научившиеся держать в руках шприцы.

Иделлиеца захрипел и перепутать это с рычанием уже было невозможно.

– Так нельзя! – меня душили. – Он умирает, а мы ничего не делаем.

– Так нельзя! – я вскочила на ноги и бросилась вон из палаты. Уже выскочив за дверь, услышала, как Уллис безнадежно говорит:

– Бесполезно.

Комната отдыха докторов была неподалеку и я ворвалась туда, даже не подумав о том, как сейчас выгляжу. Вся в поту, чужой крови, а на лице испуг и отчаяние. Сегодня был относительно спокойный на поступающих в отделение день и Илайя ожидаемо пила чай. Как всегда прекрасная уроженка Этельстата была окружена многочисленными поклонниками. Интерны со всех отделений в имеющуюся свободную минуту сбегались сюда и пытались обратить на себя внимание красавицы, а у пациентов скакало давление, когда она заходила в палату. Да и немудрено: Илайя имела длинные блестящие черные волосы, ярко-желтые глаза и пышные губы. Рост у нее был небольшой, что позволяло всем желающим без труда заглянуть во внушительное декольте, а бедра имели как раз такие объемы, что все мужчины оборачивались.

У доктора Илайи было только два изъяна: мерзкий характер и шрам на шее, который она, по слухам, заработала из-за сошедшего с ума иделлийца. Вполне возможно, что один из этих изъянов проистекал из другого, но спрашивать я не собиралась.

Мой интерес к доктору Илайя ограничивался ее назначениями пациентам – лишний раз старалась не контактировать, но сейчас мне требовалось с ней поговорить.

– Доктор Илайя! – на меня оглянулись интерны, но сама доктор даже не вздрогнула. – Нам нужна ваша помощь!

– О, как мило, – брюнетка засмеялась прекрасным грудным смехом. – Я вечно всем нужна. Что на это раз?

– Пациент умирает.

В комнате повисла тишина. Интерны переглядывались, а Илайя лишь передернула плечами.

– Кто-то поступил?

– Уже давно. Он в пятой палате.

– Иделлиеца, – хмыкнула красавица и в ее небрежности прозвучал приговор пациенту.

– Если вы не встанете с места, он умрет, – я не сдалась и доктор даже снизошла до того, чтобы окинуть меня презрительным взглядом. Она увидела все: и нерасчесанные волосы, и измазанную старую форменную рубашку, и искусанные в кровь губы. Все ждали решения доктора и никто не осудил бы ее за отказ. Никто, кроме меня.

– Ради зверя я не стану прерывать плодотворное общение с коллегами, – приговор был вынесен и Илайя отвернулась, демонстрируя, что обжалованию он не подлежит. Я выдохнула, тут только осознав, что задержала дыхание и беспомощно сжала и разжала кулаки.

– Ну хорошо, а вы, коллеги, не хотите ли помочь? – Илайя язвительно улыбалась, а все, как загипнотизированные смотрели на нее. Я сорвалась на крик: – У меня голос пропал или вы резко оглохли?

Интерны стыдливо опустили глаза. Всем было понятно, кто здесь главный и это явно не я.

– Девочка, – издевательски протянула Илайя. – Мои коллеги, – голосом она выделила «мои», – не имеют лицензии на работу в этом отделении. Так что пошла...вытирать кровь.

Как это она не добавила, что это как раз то, чего я достойна? Прервалась на самом интересном месте. Интерны переглядывались и молчали, кто-то улыбался, но некоторые хмурились.

Я провела рукой по волосам, нисколько не озаботившись тем, что измазалась еще больше. Пора и уходить – этот раунд я проиграла, но идти мне пришлось бы в палату, полную крови и предсмертных хрипов.

– Интерны, – сказала я в пустоту, жалобно, нисколько не надеясь на ответ. – Какая кислота может разъесть кожу иделлийца, да еще так, что кожа не может остановиться?

– Кислота? – подал голос блондинистый интерн, который стоял у стены. Он оттолкнулся и подошел ближе. – Нет, кислота повредила бы кровеносные сосуды, а судя по количеству крови на тебе, дело в другом.

– Анггаррский яд, – вмешался еще один поклонник Илайи. Он сидел прямо у ее ног и сейчас смотрел на меня снизу вверх. – Если удастся загнать яд под кожу (что практически невозможно), то на иделлийский организм он подействует угнетающе. Начнет разъедать кожу и кровь перестанет сворачиваться.

В кабинете повисла тишина. Я недоверчиво смотрела на интерна, не понимая, то ли он сказал правду, то ли поиздевался. В данной ситуации могли быть возможны оба варианта. Молчание, хоть и короткое, прервала Илайя.

– Никогда о таком не слышала.

Сомневаюсь, что она вообще интересовалась вопросом здоровья иделльцев. Хотя вполне могла искать способ их массового уничтожения.

– Я на статью недавно наткнулся, – как-то даже виновато улыбнулся интерн.

– Это все хорошо, – я заторопилась. – А как нейтрализовать анггаррский яд?

Уверена, Илайя желала меня выгнать – желтые глаза полыхнули настоящей ненавистью, но в своем отделении доктор могла запретить чужим интернам оказывать помощь пациентам, а помешать им дать совет медсестре – нет.

Ответил тот самый блондинистый интерн.

– Если это действительно анггаррский яд (что вряд ли – он безумно редок, да и запрещен), то противоядия не существует. Нужно ждать, пока кровь сама очистится.

Я кивнула и бросилась вон. Мы могли конечно ждать, пока кровь пришельца очистится, но пациент этого вместе с нами дожидаться уже не в состоянии.

Чуть было не снесла дверь в палату. Страшилась увидеть, что опоздала, но пациент еще дышал. На Уллиса было страшно взглянуть – он потерялся в этом количестве боли и крови, отчаялся и ждал меня, чтобы хоть на секунду переложить ответственность. Такая ситуация для нас, низших медработников, была в диковинку. У нас обоих были за спиной лишь краткосрочные медицинские курсы и не большой, но тяжкий опыт работы санитарями. Мы выполняли распоряжения докторов и это было просто, понятно и безопасно, а то, что происходило сейчас, выбивало из колеи.

– Нужно чистить кровь, – выдохнула я и, не дожидаясь реакции Уллиса, поспешила подключать соответствующие приборы. Я всего раз видела, как это делает старшая медсестра, да и не иделльцу она проводила эту процедуру, но этому несчастному уже все равно, сделаю я ошибку или нет. Процент вероятности его выживания и так уже стремился к отрицательному результату.

Уллис без возражений принялся помогать. Первая игла, вступив в противодействие с кожей пациента, сломалась, но уже второй удалось устоять.

– Ты посмотри, – пытаясь от напряжения, заметил Уллис, – при смерти уже, а не проткнешь.

Я молчала, взволнованно следя за показателями. Не была уверена, что мы все сделали правильно и потому не сводила взгляда с монитора. Понимать бы еще, что здесь нужно отслеживать.

Запоздало пришло осознание того, что мы вообще-то не имеем права проводить подобные манипуляции, но по этому поводу переживаний было меньше всего. В нашу больницу не попадают жители Ригарийской империи, способные отстаивать свои права и права близких.

Понятно было, что организм иделльцев может отторгать подобную процедуру и потому я со страхом прислушивалась к тяжелому дыханию.

– Получилось? – недоверчивый голос Уллиса заставил меня вынырнуть из оцепеневшего состояния. Аппарат не действовал мгновенно: до полной очистки крови должно было пройти

не менее двух часов – если пациент продержится столько времени, и Уллис не мог этого не знать. Просто... ему тоже нужно было подтверждение, что все не зря.

– Дышит, – сказала я банальнейшую, но самую уместную в тот момент вещь. И мы улыбнулись друг другу.

Фрибринская бесплатная имперская больница длительного пребывания была лишь одной точкой в сети таких же больниц, натканных по всей Ригарийской империи. Содержалась она на деньги императорской семьи и существовала для того, чтобы люди, находящиеся за гранью бедности могли получать бесплатную медицинскую помощь. Разумеется, контингент здесь был соответствующий; пациенты никогда не кончались, а коллектив постоянно менялся, запуская в жернова бесконечной работы новую жертву.

Проработав здесь полгода и считаясь уже старенькой, я вывела для себя еще одну функцию этой больницы, помимо очевидной: тренировка молодых докторов. Ускоренная интернатура в почти полевых условиях обучала вчерашних студентов лучше любых книг и преподавателей. Натренировавшись на бедняках и полуофициальных мигрантах, они с огромным багажом нервов и знаний могли идти в приличные медучреждения.

У меня такой возможности не было, но и работу в этой больнице я рассматривала не как необходимую каторгу, а как великое благо. В моей ситуации быть иначе просто не могло.

Долго возиться с иделлийцем не удалось – наша с Уллисом помощь требовалась и другим, а еще Илайя, у которой вконец испортилось настроение, придиралась к каждой мелочи. Я не чаяла дожить до конца смены, что уж тут говорить о том, чтобы улучшить минутку и привести себя в порядок.

Я выполняла свою работу, периодически посматривая на часы, и со страхом ожидала, что кто-нибудь сообщит о трупe в пятой палате. Разумеется, задумчивость не играла мне на руку и от Илайи я заслужила несколько хлестких оскорблений.

– Алия, что с тобой? – тихо спросила Иванна – медсестра из приемного отделения. – Сама на себя не похожа.

– Устала, – я собирала бумаги, которые Илайя в пылу ярости разбросала по коридору. Ее сумасшествию не помешал тот факт, что мы вообще-то не одни и приемная полна людей. Ожидające знать не знали, как реагировать на оскорбления в мою сторону и демонстративное поведение докторицы, так что старательно делали вид, что ничего не слышат.

Было обидно до слез, но я сдержалась.

– Ты, может быть, переоденешься? – Иванна присела рядом, помогая собирать бумаги. – На тебя смотреть страшно, а у нас есть запасные.

Я с сомнением посмотрела на подругу. У нашего отделения экстренной помощи инопланетянам форма была белоснежной, у приемного – серой, у инопланетной хирургии – синей, а у гражданской хирургии – зеленой. Но на деле, из-за частых стирок и редкой замены униформы, наши белые костюмы уже ничем не отличались от серых, а кого должен оперировать отдельный хирург, давно уже нельзя было определить по цвету. В выигрыше оставалась только педиатрия – красную форму для инопланетян, и желтую для маленьких граждан спутать тяжело.

В общем, я могла бы воспользоваться серой формой приемного отделения, но Илайя будто почувствовала, что у меня появились планы хотя бы на пару минут избежать ее внимания, и застучала каблучками по коридору. Будущие пациенты вмиг оживились в ожидании новой серии издевательств.

– Ты еще не ушла, – Илайя недовольно поджала губы. – Что ж ты такая неповоротливая...

Иванна протянула мне последние листы и втсала, упираясь руками в колени так, будто готовилась идти на таран. Вполне возможно, что так и было: эту упрямую и справедливую женщину уважали даже доктора, а я ею восхищалась – она никогда не лезла за словом в карман, и всегда знала, что происходит в ее отделении.

– А вы зачем опять пришли? – Иванна голосом выделила «опять». – Ваше отделение не вызывали, а по последнему поступившему вы сами документы разбросали, так что теперь ожидайте.

– Если бы я ждала каждого медлительного санитаря, в моем отделении пациенты умирали бы круглосуточно.

И конечно, все присутствующие в коридоре, уставились на меня. Я залилась краской так густо, что горячо стало даже глазам.

– Прошу прощения, а из какого вы отделения? – подал голос один из ожидающих. По виду – типичный гражданин Ригарийской империи. – Я бы в нем умер пару раз.

И пациенты мужского пола пошло заржали.

– Хорошая реклама отделению, – одобрила Иванна. – Так сказать, лицом, задницей и грудью.

Я похолодела: таких слов Илайя точно не простит, а мстить станет мне.

– Хорошо, что все это имеется, да еще в таком великолепном состоянии, – доктор поправила волосы и в коридоре стало на градус жарче – у больных поднялась температура. – Но пришла я, чтобы помочь коллегам!

Мы с Иванной переглянулись. Нет, разумеется, бывали случаи, когда при высокой загрузке кто-то из докторов выходил на помощь другому отделению, но никто из больницы не мог представить Илайю в роли спасителя.

– Ну что, кто первый? – доктор направилась в свободную комнату для приема и уже в дверях лениво бросила: – Алия, ко мне.

Ларчик просто открывался: помощь приемному отделению объяснялась наказанием для меня. Сама Илайя не станет утруждать себя различными манипуляциями и оформлением документации – у нее для этого есть жертва. Жертва, которой придется еще и задержаться после смены, чтобы все успеть. Но с другой стороны, можно собой гордиться: раз уж Илайя решила изгадить мне конец дня, иделлиецо совершенно точно остался жив.

Закрывая за собой дверь в приемную комнату, я успела заметить, как несколько мужчин сошлись врукопашную за право успеть на прием к красавице. Я боялась, что Илайя решит выяснять отношения; обвинит меня в чем-то, или примется унижать, но ошибалась. Эта женщина отлично знала, кто здесь королева и доказывать ничего не собиралась. Она села на подоконник и разглядывала меня с веселым недоумением, словно удивлялась собственному великодушию. Ее взгляд, надменная полуулыбка, как бы говорили: «как я ее еще терплю?».

– Садись.

Прозвучало почти как приказ, но я подчинилась. Тишину можно ножом разрезать, настолько густой и тягучей она ощущалась. Илайя сверлила меня взглядом, я рассматривала собственные обломанные ногти – все при деле, все заняты. Но когда открылась дверь, я почувствовала облегчение.

– Приветствую! – гаркнул мужчина. С моего положения снизу, он казался гигантским и точно внушающим опасения: высокий, плечистый, борода до глаз и нестриженная шапка волос. Типичный житель Поганки. Сутулится, одет в потертую куртку и стоптанные башмаки. Такие обычно поступают с травмами из-за тяжелой работы или, что гораздо вероятнее, полученными в результате драки. Сейчас Илайя его осмотрит и отправится соблазнять интернов, оставив на меня вызов травмаолога и оформление карты.

Я схватилась за бланк, приготовившись записывать. Не дожидаясь приглашения, мужчина осмотрелся и нагло уселся на кушетку.

– Я ждал. Три часа, – грозно заявил он, обвиняюще глядя на Илайю. Я струдом скрыла усмешку: желая сделать мне гадость, доктор сама наваралась на неприятности. Граждане, начинающие разговор с претензий, как правило заканчивают прием подачей жалоб во всевозможные инстанции.

– Мы приносим свои извинения, – сладко улыбнулась Илайя, а я вспомнила, что от мужчин на нее никогда не поступает жалоб. – Все от недостатка квалифицированного персонала...

– У вас было бы больше времени на пациентов, если бы вы не устраивали в коридоре сцен. Я удивленно подняла глаза на мужчину, а он подмигнул мне. Я смутилась и опять уставилась в бланк.

– Если вы пришли за помощью, то самое время озвучить ваши жалобы.

После стандартных вопросов об имени (мужчина представился как Филипп Манил), возрасте и роде деятельности (он работал грузоприемщиком в космопорту Фигарии), приступили к жалобам.

Одним отретпетированным движением мужчина улегся на кушетку, сложил ручки на груди и начал перечислять все свои недомогания. Я честно все записывала: и головокружение, и озноб, и колики в животе, но когда количество симптомов перевалило за десяток, вконец растерялась. У мужчины или каждая клеточка тела болела (но он выглядел слишком уж здоровым), или он просто выучил симптомы нескольких болезней сразу. Но зачем ему это нужно? К нам обычно не попадают от хорошей жизни и от избытка свободного времени.

Когда Илайя заскучала, Филипп торжественно прекратил перечисление болячек и дозволил (это выглядело именно так) приступить к осмотру. Он снял синюю робу грузчика и сомнения мои умножились: не выглядят так умирающие от слабости. Да ярот приоткрыла от изумления, а у Илайи глаза загорелись: у Филиппа было идеальное тело. Литые мускулы, как будто он в зале занимается, а не ящики на складах таскает, пресс с кубиками, и при всем этом ни единого шрама или синяка.

Я еще более уверилась в том, что мужчина придумывает себе симптомы: если у него столько болей с бесподобным телом, то я должна давно натираться землей – привыкать.

С заметным удовольствием Илайя принялась прощупывать живот мужчины, а я почувствовала себя лишней – настолько этот обычный для медработника процесс выглядел интимно. Но зато я нашла объяснение его симуляции: хотел поближе познакомиться с чудо-доктором.

– А теперь снимайте штаны!

Как-то слишком уж жадно это прозвучало – Филипп занервничал.

– Зачем это? У меня там нет проблем.

Зря он это сказал...

Мужчина почти отползал по кушетке, причем старался сделать это как можно незаметнее.

– Мне нужно осмотреть ваши ноги! – сбежать от хищницы было невозможно.

– Я вполне способен закатить брюки, – Филипп лелеял надежду улизнуть.

– Не стоит стесняться доктора, – Илайя вспомнила обо мне. – Дело в медсестре? Пошла вон отсюда!

Наконец-то появился повод улизнуть. Уллис конечно должен присмотреть за идеальным, но в мое отсутствие у него намного больше работы и времени на одного необычного пациента может и не хватить. Я с готовностью вскочила с места, но тут же наткнулась на умоляющий взгляд голубых глаз. Удивительно, но мужчина действительно не желал оставаться с Илайей наедине.

– Пусть останется!

Лицо у Филиппа было испуганное, а голос оставался командирским – диссонанс, вызывающий недоумение. Я подчинилась и медленно села на место.

Илайя фыркнула и оскорбленно отстранилась. По недовольному взгляду было заметно, что ей уже и стыдно за демонстрацию такого явного голода по хорошо сложенному мужчине (интерны-то у нас сплошь недомерки), а я затосковала, отлично понимая, кого теперь красotka сожрет за минутную слабость.

– Вы уверены, что все эти симптомы вам не привиделись?

Мужчина поднял густые брови повыше, что наверняка означало удивление.

– Вы полагаете, что я мог перепутать головокружение с головной болью?

– Как вариант.

– Не мог, потому что и то и то меня частенько посещает. Перепутать невозможно. Или, – мужчина театрално ужаснулся, – вы не доверяете пациенту?

Илайя даже реагировать не стала. Повернулась ко мне и с ядовитой улыбочкой, так, словно не слова проговаривала, а ядом плевалась, отдала приказ:

– Оформляй в терапию для граждан Ригарии.

Примерно этого я и ожидала, а потому покорно кивнула. Для меня процесс оформления в любое из отделений, кроме экстренной помощи инопланетным гостям, был затруднителен. Куча согласователей, бумажек и отчетов – почему, зачем медсестра другого отделения оформляет пациента. И не объяснить же, что на помощь вышли.

Но Филипп снова меня удивил:

– А разве врачи терапии граждан Ригарии одеваются в белый цвет?

Так как Илайя игнорировала пациента, отвечать пришлось мне. Мужчина выслушал пояснение и задумчиво кивнул.

– Отлично, тогда прошу определить меня в отделение экстренной помощи инопланетянам.

Тут уж Илайя промолчать не смогла.

– Не положено! – доктор не орала, а шипела, тем самым демонстрируя тот факт, что на ее родной планете почитают змей.

Филипп фальшиво, даже наигранно удивился. Ему явно все происходящее доставляло удовольствие.

– Кем именно не положено? Вами?

– Вы не инопланетянин!

– С чего вы взяли?

– Я что, по-вашему, слепая?

– А при чем здесь слепота? Я вам никакие документы не показывал, а в нашей Вселенной слишком много Галактик со схожими характеристиками жителей.

Мне даже стало интересно, чем все закончится: наблюдала за доктором и пациентом, переводя взгляд, как будто они мячик перебрасывали.

– Так покажите!

– Имею право отказаться, – парировал Филипп. – Согласно общеимперскому указу министерства здоровья №324, за неимением устанавливающих расу документов, вы обязаны руководствоваться словами пациента, и лишь за отсутствием у него сознания – доктора могут опереться на собственные умозаключения. Я же в сознании?

Я обалдела кивнула. Такой указ действительно существует?

Илайя скрипнула зубами. Уступать наглецу ей ужасно не хотелось, но она, как и я не могла похвастать дословным знанием текста закона, а потому спор заглох.

– В сознании, – вынес вердикт Филипп. – И говорю вам, что я – житель Ангарры.

Разумеется, на ангарца мужчина и близко не походил: ни чешуи, ни жабр, позволяющих жителям Ангарры дышать и под водой (коей покрыта большая часть планеты), и на суше, не было. Но начини мы спорить, Филипп еще и заявит о глубокой душевной травме, полученной в результате недоверия. Мы так на компенсацию ему будем работать всю оставшуюся жизнь.

– По-моему, собственными умозаключениями нормально пользоваться постоянно, а не только, когда пациент без сознания.

Придумала язвительный ответ, молодец. Может быть, интернам удастся пережить день без дополнительной порции яда. Филипп отвечал спокойно, его будто совсем нельзя было возмутить.

– Так это по-вашему. А букву закона следует толковать буквально, и он дает четкое разъяснение. Так что давайте мне все, что полагается в случае оформления: постельное там, больничную форму, витаминки... Лечите меня, в общем.

Я впервые видела столь юридического подкованного грузчика с Поганки. Илайя, по-видимому тоже. Доктор вскочила с места, фыркнула так, будто посылала проклятия и бросилась вон из палаты.

Когда она пробежала мимо, я почувствовала запах сладковатых, явно дорогих духов. Тут же вспомнила, что сама-то за все время дежурства вспотела не один раз, а духи использовала только утром, и вконец смутилась.

Хлопнула дверь и пациент весело, как-то даже издевательски подмигнул мне.

– Чем ты так ее разозлила?

Я растерянно заморгала. Сейчас или вообще? Не объяснять же все сложности в наших взаимоотношениях? Потому я пожала плечами и промямлила:

– Вам показалось.

И от собственного голоса стало совсем противно – не могла я так же свободно, как Илайя, общаться с людьми. Да уж, с бессознательными пациентами гораздо проще.

Мужчина спрятал улыбку за бородой, но я отчего-то поняла: он сделал это специально. Понимал, что Илайя решила его осмотреть только, чтобы мне нагадить и спас неудачливую медсестру. Я преисполнилась благодарностью и сделала все для того, чтобы поселить Филиппа в лучшую палату из имеющихся у нас в отделении.

Но моих усилий мужчина не оценил.

– Что это? – он обалдело приоткрыл рот, так что в бороде появился провал. Я поежилась: огромный недовольный бородатый мужик выглядел слишком уж грозно.

– Кровать? – я не утверждала, а предположила. Непонятно, на что именно Филипп смотрел, казалось, его в палате возмущало все.

– Да. А на ней?

– Матрас.

– А почему он без белья?

Я протянула ему стопку белья. Мужчина оглядел ее: даже присел, чтобы было удобнее рассматривать. На лице его промелькнула брезгливость, хотя белье было чистое. Да, некоторые пятна не отстирались, цвет со временем сменился, превратившись из белого в серо-буро-пош-карябанный и испещренный дырами, но не грузчику, коим представился Филипп, перебирать.

– Вашу форму из этих тряпок шили?

Я задохнулась возмущением от такого предположения.

– Что?

– Ваша форма такого же неопределенного цвета. Кстати, вы вся в брызгах крови. Совсем не было времени переодеться, или вам просто не во что?

Я всегда себя считала уравновешенным и спокойным человеком: агрессию точно никогда не проявляла. Но вот мужчину вдруг захотелось ударить. Прямо этими самыми тряпками, которые его повергли в шок.

Едва сдерживая себя от членовредительства, я всучила Филиппу всю стопку и круто развернувшись на пятках, покинула палату.

Глава 2

К кабинету регента Рэйя пробиралась так, чтобы никого не встретить. Не то, чтобы она хотела скрыть факт посещения собственного мужа, но несколько советников твердо вбили себе в голову, что через нее смогут повлиять на Виктора и поджидали за каждым углом.

Не зря она давно уже распорядилась повесить в рабочем коридоре дворца гобелены, которые якобы придавали значимости, а на деле скрывали собой ниши.

Рэйя подобралась к двери кабинета и прислушалась: тишина. Протянула руку к ручке, но не успела повернуть ее, как оказалась в объятиях.

– Издеваешься что ли? – она охнула и шутливо стукнула Виктора по плечу. – Я чуть не умерла на месте. Остался бы без жены.

– Виноват, – в глазах регента не мелькнуло и нотки раскаяния. – Но ты так шумно «тайно» пробиралась ко мне, что я не удержался.

Рэйя попыталась скрыть досаду от такого замечания и отмахнулась:

– Я – сержант Службы имперской безопасности, а не шпион.

– О да, – Виктор прижался губами к ее виску. – Вы привыкли выламывать двери, а не взламывать их.

– Вот-вот, – Рэйя развернулась и обняла мужчину за шею. – Так что в следующий раз не стану прятаться за гобеленом, а применю на твоих советниках все знакомые мне приемы.

Виктор приподнял Рэйю за талию и свободно, не делая трагедии из ее веса, как поступают иные мужчины, перенес жену в кабинет. Только там, закрыв дверь, он позволил себе сказать:

– Не моих советников, а Макса.

Официальным правителем Ригарийской империи был Максимилиан, а Виктор – его дядя, лишь регентом. И хоть Макс давно уже был совершеннолетним, вступить на престол он не мог, пока не связал себя узами брака.

– Ты говоришь это уже год, – вздохнула Рэйя.

– И задолго до нашей встречи тоже, – мягко заметил Виктор.

– Но когда-то же это закончится?

– Похоже.

Рэйя подняла голову, чтобы заглянуть мужу в глаза. Ее захлестнула даже не надежда – много их уже было, а так, слабое ее подобие.

– Макс согласился на Отбор?

– Да. И, судя по всему, этот станет последним.

– Ты и в прошлый раз так говорил, – Рэйя расхохоталась, вспомнив, с какой верой в лучшее они встречали невест полгода назад. Да она едва ли не лично готова была каждую из них сопровождать в спальню принца, а при необходимости и свечку бы подержала. Но не понадобилось.

Дорогу в спальню девушки находили самостоятельно, а вот к трону Макс не спешил их сопровождать.

– В этот раз все по-другому, – между бровей Виктора пролегла глубокая складка и Рэйя не удержалась – провела по ней пальчиком, – Макс запретил свахам вмешиваться.

– А...как тогда?

– Разослал по всем планетам Ригарийской империи свою свиту. Инкогнито, так сказать, и они ищут подходящих невест.

– И ты позволил? Хотя тебе это не нравится...

Виктор пожал плечами.

– Мальчик давно вырос. Как знать, может его друзья действительно найдут хороших кандидатов. Они знают вкусы Макса, да...надо создавать новые традиции Отбора.

– Мне эти ваши традиции уже поперек горла стоят, – честно призналась Рэйя. – Поскорее бы уже Макс занял трон и я получила собственного мужа в полное и безраздельное пользование.

– А ты меня с кем-то делишь?

Когда Виктор улыбался, вокруг глаз его собирались морщинки, отчего строгое и даже мрачное лицо казалось моложе. А улыбался суровый регент только рядом с племянником и женой.

– Конечно, – Рэйя вздохнула. – С целым государством.

Иделлец выжил. Он был еще без сознания, но это уже было не так страшно. Сменивший Илайю доктор Морендо, будучи сам не имперского происхождения, предубеждений против иделльцев не имел. Он осмотрел пациента, покачал головой на свои какие-то не очень радостные мысли, но нас с Уллисом похвалил.

Иделльца спасло очищение крови, хотя, как оказалось, в случае с этой расой использование аппарата было настоящей лотереей. Организм иделльца отвергал любое вмешательство, но в нашем случае пациент был так ослаблен, что все получилось. И вот теперь оставалось только ждать – справится ли он с остатками яда.

– Ты молодец, – Уллис хлопнул меня по плечу и я качнулась. Рука у ангарца была слишком тяжелая для моего скелета – дружелюбным действием он вполне мог бы и сломать ребро.

– Ты тоже, – я не сдержалась и застонала. – Но теперь мы – злейшие враги Илайи. На ближайшую неделю точно.

– Кто это «мы»? Я Илайе на глаза не попадался, так что все уверены, что помощь иделльцу целиком твоя инициатива.

Настроение стало еще хуже – с компанией всегда легче терпеть издевательства. Я это еще по школе помню.

Ехать домой смысла не было – с учетом дороги до Поганки на сон оставалось не больше четырех часов. Но меня ждали и подвести я не могла.

Автобусы в Поганку ходили не стабильно, а ночью общественный транспорт объезжал неблагополучный район десятой дорогой. Потому я добиралась на электричке, несмотря на то, что от станции до дома приходилось около получаса идти пешком. Деньги я ценила и не могла представить день, когда потрачу их на такси.

Фонарь на станции обжигал холодным неприветливым светом. Свет этот нисколько не разгонял тьму, царившую на обшарпанной остановке, по недоразумению названной станцией, а лишь заставлял слепо шуриться.

Я зябко поежилась – неприветливая Поганка всегда казалась прохладнее, чем центр, и спустилась по обломкам ступеней на дорожку. Впереди темной массой возвышались высотные дома – они располагались за пару улиц от окраины, почти в середине района, а казалось, что до них двести метров. Но меня не обмануть – этой дорогой я возвращалась каждый день и иллюзий насчет того, сколько еще добираться, не имела.

Шаг, еще и еще один; переступая деревянными от усталости ногами через ямки на протопанной дороге, через мусор, врастающий в землю, через пустые бутылки. Когда-то здесь было огромное поле, на котором дети играли в разные игры с мячом, но сейчас оно заросло травой по пояс.

Из темной, шевелящейся от прохладного ночного ветра массы, на меня в любой момент мог броситься кто-то, желающий подзаработать на ночном путнике, но этого я боялась меньше всего. Для меня гораздо ужаснее была бы встреча с шибурном – животным с длинным носом, пятью лапами и челюстями в два ряда зубов. Они считаются мирными, но меня каждый раз бросает в дрожь при виде этих тварей.

Всегда, преодолевая этот участок, я мечтала о временах, когда мне не придется ночью пешком идти по Поганке. Своеобразное мерило богатства. Домой буду возвращаться на огромном автомобиле, да и дом у меня будет совсем не такой, как сейчас. Даже автомобиль для своих мечтаний давно выбрала: маленький, желтый, похожий на жука. Я не знала его марку, лишь как-то раз увидела у больницы, но с тех пор он навсегда поселился в моих мечтах.

Заросли густой лиловой травы с редкими проблесками белых пушистых цветов, которые много лет назад завезли случайные переселенцы с Вассы, сменились на полуразрушенные землянки. Незаметная тропинка вела между заваливающимися домиками, полусгнившими заборчиками, от которых зачастую осталось несколько палок. Это место, казалось, поглощало свет, мрачные остовы когда-то заселенных улиц в полумраке давили на меня, пугали, но страх этот стал застарелым, фоновым. Я шла, не глядя под ноги – в такой темноте в этом не было смысла, – ориентировалась на массивы многоэтажек.

Когда-то здесь дышала жизнь. Сложная, но яркая. А пятнадцать лет назад, согласно какой-то программе, всех принялись расселять в многоэтажные дома.

Вот только фрагменты домов остались, неприбранные, напоминая о том, что раньше было еще хуже.

Мне оставалось совсем немного пройти – пару улиц заброшки, когда навстречу шагнула долговязая фигура. Я вздрогнула было, но, услышав знакомый голос, расслабилась.

– Алия, ты опять ночью бродишь?

В Поганке я жила всю жизнь и потому коренные жители, будь они сколь угодно опасны, страха у меня не вызывали. С Габридом мы вместе играли на заросшем лиловой травой поле, воровали с садов Фрибринской знати фрукты и ходили друг к другу в гости в эти самые заброшки.

– С работы, – коротко пояснила я. На полноценный эмоциональный ответ просто не было сил.

Габрид посторонился, пропуская меня на тропинку, и сам двинулся следом, легко перешагивая через мусор. Всегда поражалась этой его исключительной способности видеть в темноте, хотя на первый взгляд не было во внешности Габрида ничего инопланетного. Наверное, в поколения чистокровных фрибринцев вдруг затесался кто-то с полезными генами.

– А я слышу, кто-то идет, думал не наш. Ты разучилась быть бесшумной.

– Ты бы работу нашел, – я вздохнула, отлично понимая, почему Габрид надеялся встретить незнакомца.

Друг отмахнулся. Так же, как делал всегда.

– Где тут работу искать? Смех один.

– Сейчас много строек, – Поганку действительно словно решили отстроить заново. Мы все помнили громкое заявление Нирары Ви[1] на одном из отборов в жены принца Ригарийской империи, и связывали изменения в облике района именно с этим.

– А ты зарплаты видела?! У империи столько машин, а строят все равно по старинке – гни спину, а получай копейки. Дали бы мне управление машинами – там зарплаты ого-го, но нет же! – Габрид сплюнул. – Ими только свои управляют, из центра.

– Для машин нужно образование, – напомнила я. Это Габриду не понравилось.

– Подумаешь! Показали бы мне – все сделаю. Много ума не надо.

Я тактично промолчала, не желая вступать в спор. Позиция Габрида по поводу работы не менялась с тех пор, как ему исполнилось семь лет.

– Вот ты много заработала медсестрой?

– Давай не будем, – я напряглась. – Ты отлично знаешь, что мне нужна официальная работа, чтобы продолжать быть опекуном.

– Шла бы к Аллиаде, она бы прикрыла. Все наши у нее.

Нет уж, работа проституткой меня точно не прельщала, даже если бы и прикрыли официальной работой. Но говорить об этом Габриду, значило лишь вступить в дискуссию – друг детства не понимал моего стремления выбраться из Поганки.

Габрид проводил меня до первой многоэтажки, но дальше не пошел. Замер у угла здания, перекачиваясь с пятки на носок.

– Ты это, Алия, что завтра делаешь?

Я занервничала. Неужели он решил позвать меня на свидание? Не хотелось бы, чтобы первое подобное мероприятие в моей жизни было омрачено затхлыми пейзажами Поганки, да и обижать Габрида отказом было чревато.

– Работаю. И завтра, и послезавтра, и каждый день.

– А когда ближайший выходной?

Я прикинула и сказала честно:

– Через пять дней, – срок долгий, не открою дверь, а после скажу, что забыла.

– Ты мне завтра нужна. Мы в центр хотели сгонять, пощипать кое-кого.

Я облегченно выдохнула: Габрид все никак не может поверить, что я завязала, но даже эта его забывчивость лучше, чем приглашение на свидание.

В многоэтажках уже было не страшно: кое-где горели фонари, да и лифт сегодня порадовал – довез до девятого этажа и пешком пришлось пройти всего восемь. Лила не спала – сидела в темноте, но только лишь зашумели ключи в замке, бросилась навстречу.

– Как дела? – я обняла сестренку и взлохматила ей волосы. Чувство тепла и какой-то лихой радости охватило душу. Лишь дома, в объятиях Лилы я могла выдохнуть и выбросить из головы и Габрида, и Илайю, и еще тысячи тревожных мыслей.

– Ужинать будешь? – засуетилась Лила. Через час пора было уже завтракать, да и в целом есть не хотелось, но Лилу расстраивать не стала – она отчаянно боролась за видимость нормальности нашей семьи.

В потемках мы прошли на кухню. Я наткнулась на мебель и углы, Лила же настолько привыкла, что лавировала ловко, словно при свете. Я не выдержала и щелкнула выключателем, чтобы искать стул не на ощупь, но Лила тут же зашикала и выключила слабенький энергетический фонарь.

– Я же и так сегодня им пользовалась, когда учила уроки, – в голосе сестры звучал укор. Лила и за экономию в нашей семье отвечала.

Стул я все же успела разглядеть и потому села, а Лила поставила передо мной тарелку и высокий стакан с чаем, в гранях которого отражался свет Вассы. В слабом свете, исходящем от окна, я видела лишь тонкий силуэт сестры, да блеск ее светлых волос. Говорят, мы очень похожи, мне же кажется, из общего у нас только длинные белоснежно-пепельные волосы. Именно из-за сходства с Лилой, которое хотелось сохранить, я еще и не подстриглась, хотя с короткими волосами было бы удобнее.

– Габрид заходил, – прошептала Лила, пока я вымученно жевала жареную шеру – дешевый плод с планеты Васса.

– Мы встретились, – я съела положенные три ложки и с облегчением принялась за чай.

– Да? – я почувствовала исходящее от Лилы волнение и напряглась. – Но он же не тебя искал.

– То есть как?

– Он... он предлагал с ними пойти на дело.

Я грохнула ладонью о стол и не увидела – предположила, что Лила вздрогнула. Замысел Габрида заиграл для меня новыми красками. Ты посмотри какой жук: знал, что я откажусь и решил заранее привлечь Лилу к своим темным делишкам.

– Ты отказалась? – как ни старалась, повысила голос.

– Да, но...

– Но?

– Алия, у нас нет денег.

Я с облегчением выдохнула – отказалась.

– Нам хватает, Лила. Мы вместе, одеты, обуты, не голодны. Ты закончишь школу и поступишь в колледж – осталось совсем немного. Но если пойдешь с Габридом, спокойной жизни конец. Ты не сможешь уже выбраться из банды.

– Но ты же смогла, – упрямо ответила Лила. И эта ее упрямость меня пугала. Так проявляется подростковый протест? Мне казалось, нас эта беда обойдет стороной. Но следовало подбирать слова.

Я подалась вперед, неосторожно задев тарелку, и ложка, жалобно звякнув, упала.

– Я была совсем ребенком и мне повезло. К тому же, – мой голос дрогнул, – тогда были живы родители. Был жив отец. Он защитил меня, но Лила, – я закашлялась от душивших слез, – тебя защитить будет некому. Что я одна могу сделать?

Сестра бросилась мне на шею.

– Не плачь, Алия! Пожалуйста! Я не пойду! Ни с Габридом, ни с Дювелем, ни с кем другим!

– Точно? – я вытерла слезы.

– Точно, – Лила помолчала. – Но когда я найду работу, мы вообще не будем выключать свет.

Я рассмеялась, представив, как это будет выглядеть и какую сумму нам придется заплатить по счетам – даже двух наших зарплат не хватит. Но перечить не стала.

– Договорились!

Норму сна я восполняла уже в электричке по дороге на работу, а еще специальными напитками, которые прогоняли сон. При этом они, говорили, влияют на сердце, но мое пока что было в порядке. Подозреваю, что слухи правдивы, но производились напитки только в Поганке и потреблялись, в основном, только ее жителями, а мы можем хоть заживо гнить – правительству до этого дела нет.

Я выбросила пустую бутылку в урну, постояла недолго, привыкая к ощущению бодрости, горячей волной поднимающейся от желудка. Честно сказать, не помню, когда испытывала бодрость, просто выпавшись. Наверняка, в то время были еще живы родители.

У входа в отделение встретила Филиппа и всю дежурную смену докторов. Так называемый грузчик допрашивал их на предмет достаточности квалификации. Филипп кивнул мне, узнавая и я поскорее прошмыгнула мимо, чтобы не плодить ненависть к себе. Подумают еще, что я с ним заодно.

Прямоком отправилась в палату иделльца. Полы уже вымыли и постель сменили, так что о вчерашнем происшествии ничего не напоминало. Аппараты мерно пикали, грудь иделльца, перевязанная бинтами, мерно вздымалась, да и вся обстановка казалась умиротворяющей.

Я прошла к окну и распахнула шторы. Утро еще не до конца вступило в свои права и солнце неуверенно продиралось через густую серость. Но все же в палате стало намного светлее.

Я бросила косой взгляд на пациента – было любопытно его осмотреть, но в одиночестве это сделать не решалась. Бинты белые, значит, раны уже стянулись, рука окутана специальными трубками – даже с учетом замечательной регенерации, восстановиться так быстро она не могла. Я скользнула взглядом выше и вздрогнула: глаза иделльца были открыты.

– Добро пожаловать, – пролепетала я. Иделлец медленно моргнул и я сделала неуверенный шаг к двери.

Вот дура! На что надеялась, когда пришла сюда одна?

Еще один шаг и иделлец вздрагивает. Я, которая едва уловимое движение приняла за попытку нападения, едва не бросилась вон, но с трудом удержала себя на месте.

Иделлец разомкнул губы, пытаясь что-то сказать, но из горла вырвался лишь хрип.

«Может, он пить хочет?».

Я, конечно, об этом подумала, но подавать стакан пациенту не спешила. Так и стояла, напряженно замерев, и наблюдала за иделльцем.

Какое-то осознанное слово иделльцу все же удалось извлечь из себя, вот только не на имперском языке. Иделлиеца даже нахмурился, осознав, что я его не понимаю и вздохнул. Обреченно как-то. Не агрессивно совсем.

Я с тоской посмотрела на дверь. По инструкции: следовало отыскать переводчика и привести его к пациенту. Но по совести: я отлично понимала, что он просит воды. Которая, к слову, стояла в графине совсем неподалеку от иделльца, вот только ему, искалеченной рукой до воды было никак не дотянуться.

– Пусть! – пробормотала я и плавно, стараясь не делать резких движений, подошла к тумбочке. Иделлец с надеждой проследил за тем, как я наливаю воду и едва ли не зажмурился от удовольствия, когда протянула ему стакан.

Не сразу я поняла, что вторая рука иделльца – здоровая, привязана к постели ремнем. Но после такого открытия почувствовала себя гораздо спокойнее. И подушку приподняла, и помогла попить, и едва сдержалась, чтобы слюнявчик не предложить.

Иделлец пил, а я его рассматривала: не часто удается так близко разглядеть жителей Иделльской Галактики. Разумеется, вчера мы виделись, но мало что можно было понять в этой кровавой каше, которую лишь кто-то с хорошим воображением мог назвать лицом. У иделльца был узкий широкий лоб, на который свисали жесткие темные волосы, массивные надбровные дуги, узкие губы и неожиданно прямой нос. Подбородок для такого лица казался несуразным: слишком широкий, но у иделльцев три ряда зубов, так что природа эту несуразность оправдала. По всему телу иделльца росла темная щетина, вот только сейчас она, из-за вчерашних странных ожогов, росла неравномерно – имелись проплешины.

Иделлец допил воду и что-то прохрипел опять не на имперском, и даже не на межмировом. Стараясь держать ладони открытыми, я развела руками:

– Не понимаю.

Иделлец с досадой поморщился и закрыл глаза. Устал, верно.

Не желая провоцировать судьбу, я покинула палату.

– Этот мерзавец измучил все отделение! – громко жаловался Уллис. Он любил быть в центре внимания, а ему сейчас внимали почти все медсестры приемного отделения. – Требуется и требует чего-то.

– Так выпишите его, – подсказала Иванна. Уллис театрально махнул рукой.

– Пытались уже. Так он приводит нам инструкции по которым мы сначала обязаны его обследовать, вылечить, а потом только выписывать.

– А какие это инструкции? – полюбытствовала одна из медсестер, прекрасная, как нераспустившийся цветок фижевого дерева и такая же бесполезная. Уллис почувствовал важность момента, напрягся, задумался, но умную мысль не родил. Так и сделал вид, что не услышал вопроса.

– Хватит, Уллис, – я не выдержала. – Он просто требует то, что ему полагается. Хорошо, когда гражданин империи знает свои права.

– Ты, Алиа, молодая да глупая, – хохотнула Иванна. – Никто из нашего руководства из своего кармана все его ипохондрические хотелки оплачивать не станет.

– Так ведь деньги выделяются на все исследования, – опять подала голос цветочек. Уллис от такого замечания пришел в совершеннейший восторг.

– Они давно выделены и поделены. Так что если сделают ненужный анализ Филлипу Манилу, то потом не сделают тому, кому он действительно нужен. Но если ты веришь в сказки, то приглашаю тебя сегодня на кофе.

Цветочек зарделась, а Уллис продолжил:

– Кофе выпьем у меня дома – там вкуснее. И разумеется, ни на что большее я не рассчитываю.

Кабинет потонул в хохоте – Уллис был знатным ловеласом и поверить в то, что к нему в квартиру можно прийти просто на кофе, не смогла бы и полнейшая идиотка. Цветочек ударила Уллиса по спине и покинула нас с видом оскорбленной невинности. Следом засобиралась и я. До конца обеденного перерыва еще оставалось время и я решила навестить иделльца. Прошло всего двое суток, а он чувствовал себя много лучше, многие раны даже почти не нуждались в перевязке. Восстанавливаясь у нас все пациенты с такой скоростью, и я каждый день возвращалась бы домой вовремя.

Посещение иделльца не было первоочередной моей задачей. Но врачи не хотели тратить на него время, понимая, что выкарабкался – будет жить. А я ощущала ответственность за этого иделльца. К тому же, не верилось мне, что он нападет на ту, что спасла ему жизнь.

– Добрый день, – я показала руки, демонстрируя дружелюбие. Иделлец пока не проявлял ко мне агрессии, но искушать судьбу не стоило. – Как вы себя чувствуете?

Иделлец кинул на меня ленивый взгляд и отвернулся. Если он и испытывал благодарность, то тщательно ее скрывал. Что самое интересное, без знания общеимперского языка хотя бы на минимальном уровне, его бы не пустили в Империю, и если он не понимал меня в плохом состоянии, то сейчас явно демонстрировал пренебрежение.

Призывая себя к терпению, повторила вопрос на межмировом. Иделлец сухо, недовольно, с диким акцентом, но все же ответил:

– Хорошо. Жрать.

– Жрать, – повторила я и не сдержала улыбки. До этого иделлец отказывался от еды, а, значит, теперь стал доверять. Быстро спохватилась, что улыбку он может принять за оскал, но вроде бы пронесло.

Я сбегала в столовую и на подносе принесла иделльцу обед. Бежала чуть ли не вприпрыжку, вдохновленная подобием контакта с таким тяжелым существом.

В голове рисовала картины одна другой краше: как установлю контакт с враждебной расой, он расскажет мне об их обычаях, традициях. Ведь не может быть, чтобы они были такими кровожадными, как говорят...

Передо мной во все крупное иделльское лицо встала следующая проблема: привязанный к кровати пациент хоть и мог взять тарелки и поесть, дотянуться к ним не был в состоянии. Так что мне необходимо было приблизиться. Критически приблизиться.

«Он привязан», прошептала сама себе. Иделлец следил за каждым моим движением: вроде бы выглядел расслабленным, так что волноваться не стоило.

Осторожный неуверенный шаг, еще и еще один. Я вытянула руки, но все равно не могла поставить поднос на тумбочку. Сделала глубокий вдох. Вполне можно подойти с другой стороны, тогда бояться не нужно будет вовсе.

Так я и поступила. Уже поставила поднос, но подняла взгляд и встретила глазами с иделльцем... Это меня и спасло. Так бывает, когда на тебя бросается животное: движения за мгновение «до» еще нет, но в глазах уже угадывается намерение. Рефлекторно я дернулась в сторону и рука иделльца в хватающем движении пролетела мимо в паре сантиметров от моего лица. Я так и не опустила поднос и посуда на нем задребезжала, словно возмущаясь. Суп расплескался, обливая мою рубашку. Странно, но я успела подумать, что не смогу ее отстирать.

– Что вы... – пролепетала я, еще не понимая. Не осознавая, что происходит.

Я отступала, прикрываясь подносом, с которого посуда слетела в одно мгновение. Иделлец ослабилась и едва заметно зарычал. Успела сделать всего четыре шага, как пришелец спрыгнул с кровати.

– Нно как?...

Я могла бы понять, что у него свободна рука, но две?! Он же был пристегнут ремнями!

Некому было отвечать: иделлец пригнулся, как перед броском и надвигался на меня. От страха я не могла кричать: единственное, на что меня пока хватало, так это отступать.

Иделлец дернулся, я вздрогнула, взвизгнула и выпустила из рук поднос. Он упал с грохотом и завертелся на месте, прежде, чем замер на полу. Иделлец издал странный звук: нечто среднее между смешком и рычанием.

«Он играет», поняла я. «Не собирается убивать».

Конечно, у иделльцев же гон. Я похолодела от осознания: он собирается меня изнасиловать. Лучше бы убил.

– Не надо...

В ответ на мольбу – жалкую и испуганную, иделлец бросился на меня и уже среагировать было невозможно. Он схватил меня за плечи и, протаскивая пятками по полу, прижал к стене.

Я билась в его руках: укусила за пальцы, боднула раненую руку, но он даже не заметил сопротивления. Слишком большая разница в росте и весе – я словно со стеной боролась. Стеной, которую мои барахтанья только радовали.

Иделлец бедром раздвинул мне ноги и я взвыла от ужаса.

– Помогите! – меня мутило. Я беспорядочно шарила руками по стенам и в последнем, каком-то отчаянном рывке нашарила ручку двери и потянула за нее. Можно подумать, у меня была возможность выйти...

Иделлец одним движением разорвал форму. Будто она бумажная, будто я готовилась.

– Кто-нибудь!

Слышал ли кто мой крик или только мне он казался оглушительным? Я закрыла глаза, чтобы не видеть звериную похоть на лице иделльца. Теперь как никогда была понятна ненависть Илайи. Теперь я даже солидарна с ней была.

Кровь зашумела в ушах, пульсацией отсчитывая секунды, но так было даже лучше, ведь я перестала слышать рычание иделльца. Вот сейчас. Приподнимет меня в последнем, уничтожающем женщину рывке – ему это ничего не стоит...

Но нет. Меня потянуло вперед и тут же отпустило. Совсем. А может быть, я потеряла сознание? Но нет: сползаю по стене вниз, обдирая спину – так сильно к ней прижимаюсь. Да и звуки... Не доверяя себе, я приоткрыла один глаз, но сразу же и второй – на это стоило посмотреть: в палате боролись иделлец и... Филипп. Два пациента, одинаково высоких, массивных; иделлец недавно едва не умер, едва владел одной рукой, но чистокровный фрибринец едва ли мог его победить. Филипп наносил удары так, будто сражался на спортивном состязании: спокойно, методично, упрямо, но разве можно противостоять зверю в человеческом обличье?

Нужно было помочь.

Я вскочила и подбежала к шкафчику с лекарствами, который всегда стоял в палате. Ключи, где ключи? Наверное выпали... Искать их времени не было, и, схватив табурет, в отчаянном рывке я разбила стекло.

Лечить иделльцев мы не научились, зато утихомиривать их, нанося при этом вред здоровью, вполне. Некоторые иделльцы, желающие мирно жить в нашей Галактике на тех же условиях, что и остальные, принимали специальные препараты, которые снижали действие определенных гормонов. Ну а в «тревожном» шкафчике у нас лежало то, чем можно было усыпить зверя.

Я ни разу не стреляла, но когда в метре от тебя маячит широкая голая спина, промахнуться сложно. Неплохой ориентир, не правда ли? Так что я выстрелила усыпляющей капсулой

раз, и другой, и третий. Стреляла бы еще и еще, но заряды закончились. Лишь только когда иделлец упал, я выронила пистолет и сползла на пол, закрывая лицо руками.

[1] Книга Невеста по службе. Невеста из Поганки, которая боролась за права «низшего» слоя населения

Глава 3

Теперь пациенткой стала я и мне не понравилось. Уллис обработал мои ссадины и синяки, поминутно рассказывая, какая я идиотка, что отправилась к иделльцу в одиночку. Справедливо. После явилась Илайя, которая сочла своим долгом уточнить: буду ли я еще спасать этих «зверей». Ядовито, но закономерно. А затем, выяснилось, что стоимость новой формы вычтут из моей зарплаты. Ожидаемо конечно, но неприятно.

Уже ближе к концу смены я встретила в коридоре Филиппа. Пациент остановился и грозно, уперев руки в боки, спросил:

– Почему ты здесь?

– А где мне еще быть? – испугалась я. Отчего-то решила, что пропустила вызов к больному.

Филипп нахмурил и без того сросшиеся на переносице брови. А я вспомнила, что так толком его и не поблагодарила. Сумбурные «спасибо», когда меня уводили, вряд ли можно считать полноценной благодарностью.

– Дома. Ты должна быть дома. Как минимум, уже пять часов. И не говори, что и завтра ты собираешься выходить на работу!

Он вообще адекватный? Конечно, буду, ведь каждый мой рабочий день стоит денег. Кто этот Филипп? Он точно лжет о своем происхождении – каждый житель Поганки знает ценность работы.

По-видимому, что-то такое на моем лице он прочитал, потому что застонал.

– Послушай, – Филипп ласково взял меня за руку и наклонился, чтобы заглянуть в глаза. Я же ошеломленно следила за тем, как моя ладошка теряется в мощной широкой ладони мужчины. – На тебя произошло нападение, ты испытала сильнейший стресс. По закону ты должна получить компенсацию от работодателя и несколько дополнительных выходных. Особенно, если учесть, что ремни на руках иделльца истерлись от старости.

– Угу, и мороженку, – я выдернула руку. – Вы в каком мире живете, Филипп?

Пренебрежение в моем голосе пациенту не понравилось. Но он хотя бы вспомнил о том, что не должен мне «тыкать».

– Алия, вы не правы! Ваше руководство просто не знает о таком правиле, или преступно заблуждается, что тоже нехорошо. Но их просто следует просветить. Пойдемте, – и он опять схватил меня за руку и потащил вслед за собой. – Где здесь руководитель?

Этаж руководства разительно отличался от этажей, на которых бывали пациенты. Будто бы весь бюджет больницы отправили не на нужды больных, а на обеспечение администрации. Как говорил руководитель больницы: наши больные хотят не лечиться, а отдыхать. Так что пусть видят, чего достигнут, если отдыхать не станут.

На этаже росло множество растений: только живые – ничего искусственного. Некоторые даже стояли под пластиковым или стеклянным колпаком, так как прибыли с других планет и Фрибрин для спокойной жизни им не подходил, а значит, стоимость их была еще выше.

Перед каждым кабинетом красовался диван из кожи молодого лигустина. Только молодого – старый выглядел не так презентабельно. Конечно, кому интересно сидеть на черном диване – только белый, идеально подходящий по тону к стенам. В конце коридора можно было заметить кофейню и комнату отдыха. Стоит ли говорить, что даже врачам заходить туда запрещалось под страхом позорного увольнения?

А лампы? Их здесь было много: ярких, дорогих... И точно никто не выключал их из экономии.

От лицемерия подобной роскоши Филипп явно опешил. Согласна, в контексте обшарпанных стен нижних этажей, складывалось ощущение, что попал в другой мир.

Кадрами заведовала заместитель директора Олли Кож. Страшная женщина. Не в смысле внешности, а по духу. При приближении к ее кабинету, персонал инстинктивно переходил на шепот, цыпочки и редкое дыхание, ибо мстительность и взрывоопасность Олли были легендарными. Миниатюрную женщину раздражало все: от громких звуков до запаха духов. Что уж тут говорить о недовольных взглядах или частом дыхании? Все должны были перед ней трепетать.

Представьте же удивление Олли, когда дверь ее вдруг распахнулась без подобострастного стука, а на пороге появился зверского вида мужик, за которым, как на привязи болталась я. Олли даже закашлялась, подавившись чудным сливочным пирожным, отчего ее и так недружелюбные навывкате глаза налились кровью.

Я сразу поняла, что дела не будет и потянула Филиппа прочь, пока Олли не отошла от шока. Мало ли, подумает, что у нее галлюцинации. Но мерзавец проигнорировал мои попытки спастись.

– Приветствую! – Филипп улыбался, но из-за его бороды это было малопонятно. – Мы пришли сообщить о нарушении закона.

Олли перестала кашлять.

– И? – громко и недовольно спросила она осипшим голосом. – С этими вопросами не ко мне, а в СИБ[1].

От этого голоса я сжалась и практически спряталась за широкой спиной пациента.

– Так как именно вы нарушили закон, думаю в ваших же интересах с СИБ повременить, – съехидничал Филипп.

Заявление Олли не понравилось. Она принялась перебирать бумажки, лежащие на столе, что выдало крайнюю степень ее беспокойства. По лицу же, как всегда недовольному, прочесть это было нереально.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Я так и думал! – Филипп отпустил меня и вгнаглую сел на стул напротив Олли. Стул стоял здесь для красоты – ни разу никому не было предложено в него сесть, и от такого святотатства у Олли задергался глаз. – Сегодня на эту девушку было совершено нападение.

Олли перевела на меня тяжелый взгляд – Филипп сел и прятаться за ним теперь было затруднительно, так что я поежилась.

– Кто посмел?

– Пациент. Но это не так важно. Важным является тот факт, что работодатель должным образом не обеспечивает безопасность сотрудников.

– Да вы что? – искусственно удивилась Олли.

Филипп замолчал вдруг. Надеюсь, понял, что над ним издеваются. Сидел и рассматривал Олли так долго, что она почувствовала себя неуютно – впервые за свою жизнь.

– Ну что же вы замолчали?

– Оборудование в палатах изношено, – сухо ответил Филипп. – Ремни, удерживающие буйных инопланетян, истерты и пришли в негодность; оружие с усыпляющими веществами устарело.

– Но я не веду хозяйство.

– Действительно. Но вы отвечаете за персонал, а Алие положены выходные дни.

– Так пусть идет домой. Кто ее держит?

– Оплачиваемые выходные дни, – поправился Филипп.

Вот это Олли не понравилось. Она и ведомости-то нам подписывала с недовольством, будто из собственного кармана собиралась деньги выдавать, а тут еще плата за выходные? Это Олли и в страшном сне не могло привидеться.

– А больше госпоже Алие ничего не положено? Может быть, компенсация?

По глазам Олли я поняла, что мне конец. Филиппу бы промолчать, но нет же.

– Именно!

– Это по закону, правильно я понимаю?

– Да! Иначе мы будем вынуждены написать жалобу.

– Тогда конечно. Разумеется, мы выплатим компенсацию и предоставим Алие два оплачиваемых выходных, – Олли взяла паузу, но это было далеко не все, что она хотела сообщить. – Тогда и госпожа Алия больше не сможет брать дополнительные смены, потому как не положено. Вот.

Я похолодела. Мне с трудом удавалось обеспечить Лилу даже с учетом двойной нагрузки, что же делать теперь?

Филипп понял – что-то не так и оглянулся на меня.

– Пожалуйста, давайте без компенсации, – деревянными губами пролепетала я.

– О, и Алия, забыла сказать: прошел запрос из опеки. Проверяется ваша благонадежность. Всегда я давала хорошие рекомендации, но в этот раз... даже не знаю. Вы нарушили все возможные техники безопасности – подошли близко к идельцу. Что может быть глупее?

Олли Кож имеет большой опыт угнетения сотрудников: знает по чем бить – по самому больному, по самому важному. Филипп хмуро наблюдал за нашим разговором, но не влезал. Спасибо ему хотя бы за это.

– И выходные не нужны...

– Да нет же, Алия, – Олли ядовито улыбнулась. – Все должно быть по закону.

Идти я не смогла и из кабинета Филипп практически вынес меня на руках.

– Простите, Алия, – выглядел он виноватым. – Я не знал, что так получится.

Я прислонилась к стене, стараясь унять дрожь. Мне было страшно. Страшно и больно. И от возмущенных криков, от некрасивого скандала и оскорблений удерживало лишь осознание того, что этот человек спас мне жизнь.

– Кто-то находится под вашей опекой?

Я закрыла глаза – так было легче сдерживать слезы.

– Сестра.

Находится. Надолго ли? Вполне может быть, что скоро уже ... И из-за кого все проблемы? Из-за слишком деятельного Филиппа.

Я чувствовала на себе его взгляд: недоверчивый, пытливый и... надоедливый.

– Но сколько вам... тебе лет?

– Достаточно! – я открыла глаза. – Филипп, вам уже пора идти на... На вечерние процедуры. А мне еще новую форму отрабатывать.

– И форма у вас платная?! – мужчина задохнулся возмущением. Он так тарасил глаза, что я запереживала, как бы у него не случился удар. – Я этого так не оставлю...

– Вы спасителем заделались? – как ни старалась, но слова прозвучали ядовито и зло. Сама от себя такого не ожидала, но останавливаться было поздно – Филипп ошарашенно смотрел на меня и явно не понимал, что происходит. – А я просила вас о помощи?

– Алия, вы...

– Нет уж, Филипп, это вы. Уже сейчас могу сказать, что вы испортили мне жизнь. Меня лишили дополнительных смен, за счет которых мы с сестрой оплачивали квартиру, так еще меня этой самой сестры скоро тоже лишат! Это вы для моего блага сделали? Чтобы мне перетруждаться не пришлось?

– Но я не знал, что все так.

– Конечно не знали, – сказала неожиданно спокойно. – Вы явно живете в другом, нереальном мире, где все по закону и форму выдают потому что положено, а не потому, что она пришла в настоящую негодность. Вот только не делайте вид, что вы что-то можете изменить в нашем, неидеальном мире.

Не желая больше в это ввязываться, да и жалея, в какой-то степени о сказанном, я бросилась прочь из административного корпуса.

Больше членов Совета Макс ненавидел только сваху. Сколько Отборов она уже задает свои правила, требует от принца решения и никак не может понять, что те критерии, которые она применяет к кандидаткам, не нравятся Максусу? Зачем ему жена, которая играет на музыкальных инструментах и разговаривает на семи языках? Максусу хотелось любви, но ждать ее уже времени не было. Пора было взять на себя ответственность, для которой он рожден.

По всей Ригарийской империи были разосланы десять друзей принца, которые искали кандидаток для Отбора. Каждый на свой вкус – если не выберет Макс, остальной цвет империи тоже можно будет женить. Виктор считал, что это ужасная идея, но он просто не знал, что Макс твердо вознамерился этот Отбор закончить женитьбой, и уже подобрал подходящую для себя кандидатуру.

Домой я возвращалась рано. Рано для той, что работает, как ненормальная, пытаюсь прокормить и себя и сестру. Но Олли не зря заработала свою репутацию мстительной стервы – меня чуть ли не принудительно отправили домой.

Не желая наживать новые неприятности, я ушла. К тому же и впрямь переполнилась волнениями, так что следовало отдохнуть. Но завтра собиралась как всегда быть на работе.

Лиля не встретила меня в дверях, что было не удивительно – не ждала так рано. Но ее не было дома и вот это, разумеется, настораживало. Я включила лампу на кухне и села за стол. Вкусно пах приготовленный ужин, недавно выключенная плита источала тепло и странно было все это ощущать, но не видеть сестру. К тому же, хоть кто-то в нашей семье должен бы переживать за расточительство.

Ждать, пока хлопнет дверь, пришлось долго. Встречать сестру я вышла в коридор и света от кухонной лампы было достаточно, чтобы заметить испуг на лице Лилы. Пауза упала между нами тяжелым грузом. И мне бы спросить, где она была так поздно, но я боялась, по-настоящему боялась услышать ответ. Так что я спросила другое, совсем не то, что было нужно.

– Ужинать будешь?

Лиля улыбнулась, но улыбка выглядела натянутой.

– Да, конечно.

Я наблюдала за тем, как она снимает ботинки и вешает куртку. Узкие брюки, мешковатый свитер – ничего особенного, но так на свидания не ходят, а значит удобная версия отпадает сразу.

– Что случилось? Почему ты так рано вернулась? И свет включила...

Я не слышала вопросов. Уговаривала себя, напоминала, что «дело» у Габрида было вчера, но ужас и предчувствие обуяли меня, запустили щупальцы в душу и разрывали ее на части.

– Где ты была?

Я все-таки не выдержала.

– Ходила к подруге. Зарина, ты ее не знаешь. Им недавно дали квартиру в соседнем доме.

И она передернула плечами. А если я что-то и знала в этой жизни точно, так это признаки вранья моей сестры. И дерганье плечами – один из них.

– Ты была с Габридом, – твердо сказала я. И застонала, когда Лиля стыдливо опустила взгляд.

– Алия, я ни в чем таком не участвовала... – горячо зашептала сестра. Будто нас кто-то мог подслушать. Будто в этой каменной клетке до нас было кому-то дело.

– С этого все и начинается, – я устало потерла виски. Они показались обжигающими. – Послушала, посмотрела, а после пошла на дело. Что он там разрабатывает? Кражу, разбой, вымогательство?

– Ты не права, – Лиля обиженно прижималась к двери. – Мне ничего делать не придется, зато денег нам хватит...

– Не смей! – прошипела я гневно, грозя сестре пальцем. – Ты ставишь под удар все то, что я так долго пыталась построить! Ты понимаешь, что опека...

– А ты понимаешь, что я не могу так жить?! – запальчиво и зло закричала сестра. – У тебя было все, пока ты росла, а я хожу в одной и той же блузке уже год. На ней заплаток больше, чем заводской ткани, а рукава приходится подкатывать, потому что они истерлись.

Мой гнев мигом улетучился.

– Да, нам тяжело жить сейчас, но мы живем в Поганке – здесь всем нелегко.

– Не настолько, – Лиля вытерла слезу, одиноко скатившуюся по щеке, но я отчего-то засомневалась в ее искренности. – На меня все смотрят, как на бедную сиротку. А недавно, ты представляешь, соседка предложила отдать нам старые вещи. Ее дочери они уже не нравятся, так что ж выбрасывать! – сестра сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, но не выходило. – И ты говоришь, что все в Поганке живут плохо?

Я хотела было сказать, что соседка живет по принципу: украла-прокутила-села в тюрьму, но зачем? Лилиа и сама все знает.

– Что ж, – я обессиленно прислонилась к стене. Усталость и разочарование взяли свое. – Может быть, ты и права – в доме присмотра тебе будет лучше.

– Алия, прекрати! – Лилиа закатила глаза и показала такой взрослой, несмотря на то, что ей всего четырнадцать лет. – Я всего лишь хочу попробовать заработать. Помочь тебе...

– У меня проблемы с опекой, – опять я перебила сестру. – И вполне возможно, на днях они здесь появятся, так что скажешь все то, что мне объясняла и все – мучаться больше не придется.

Это Лилие не понравилось и тон ее речи мигом сменился. Передо мной вновь появилась любимая младшая сестра, которая понимала проблемы и согласилась подождать. Были и общие слезы, были и мольбы о прощении с обеих сторон. Засыпали мы в обнимку и мечтая о тех временах, когда сможем позволить себе, что угодно.

Но я уже почувствовала этот надлом между нами. И склеить его слезами было невозможно.

Я твердо вознамерилась после работы найти Габрида и потребовать у него оставить мою сестру в покое. И хоть понимала, что бывшему другу плевать на мои требования, не попробовать не могла.

Так и шла на работу, попивая коктейль для бодрости, взращивая мрачные мысли и репетируя речь, но едва переступила порог отделения, как поняла: что-то случилось. Что-то страшное, потому как все были подозрительно бледны и переговаривались шепотом.

Я перехватила главного сплетника отделения – Уллиса, и он, побелевшими от шока губами, поведал мне следующее:

– Проверка приехала. И СИБ[2]. Олли Кож и директора уже вывели в наручниках... Не знаю, что будет с нами.

– Олли? – я пыталась сообразить, успела ли она сообщить в опеку о моей неблагонадежности. По всему выходило, что нет. – А за что их забрали?

– А мало поводов? Наворовали на всю жизнь. И свою, и детей и соседей.

– А нам тогда чего бояться? – резонно удивилась я. – Мы не украли и иголки – даже воду с собой на работу носим.

Уллис нервно сглотнул, так что широкий ангаррский кадык на его шее задрожал, и отступил.

– И это неправильно, – раздался позади меня голос. – Вот уж на воду сотрудникам финансирование точно выделялось.

Я обернулась и попятилась так же, как только что Уллис. Передо мной стоял Филипп Манил, только преобразившийся до неузнаваемости.

Куда исчезла косматая борода и неухоженная шапка волос? Передо мной стоял один из тех холеных молодых людей, которых постоянно показывают в передачах. И не сказать, что у меня имелось время эти передачи смотреть, но... Мужчина явно был колоритным.

– Но...как? – не выдержав, я протянула руку и коснулась его лица. Сейчас моя возможность думать стремилась к нулю. Гладкое лицо, под моими пальцами настоящая кожа... Филипп улыбнулся и я испуганно отдернула руку – что же я творю?

– Профессиональный грим, хорошие специалисты и неумолимое желание внедриться в врачебную среду, – подмигнул Филипп. – Позвольте представиться: Филипп Эслаутер – заместитель министра охраны здоровья.

– Вы здесь с проверкой были? – хоть бы не потерять сознание. Что я там кричала про то, что этот мужчина все портит?

Филипп посерьезнел.

– Вообще-то нет. В планах было, конечно, почувствовать на себе помощь населению, но задача изначально стояла другая. Неважно это теперь – вскрылось намного больше проблем, чем мы могли себе представить.

– А, – я криво улыбалась. Общаться с птицей такого высокого полета, как этот переродившийся пациент, не хотелось. Но он продолжал:

– Спусковым крючком было поведение Олли Кож! – он прямо задохнулся возмущением. – Но и без нее здесь до безумия много нарушений, фактов коррупции, и мы вынуждены...

«Закреть больницу», обреченно подумала я.

– Заняться полнейшим реформированием больницы.

Этот новый Филипп вещал вдохновенно, но меня его планы не слишком заботили, так что пока он рассказывал, как именно будет организована работа, я нервничала и планировала планы побега.

– А тебе мне хочется помочь, Алия, – к этим словам я прислушалась. – На самом деле, ты одна из немногих здесь, кто работает честно.

Я напряглась. Как правило, после похвалы от начальства всегда следует дополнительная работа. Неоплачиваемая. Так что лучше и не хвалили бы, правда.

– Потому хочу попросить у министерства квоту на твоё обучение. Ты сможешь стать врачом, Алия. Лучший университет Вассы примет тебя!

Врачом? Меня захватило ощущение чистого, незамутненного восторга. Восторга от наивности Филиппа. Сразу понятно, что он никогда не жил в Поганке. Стать врачом – всегда было моей мечтой, и будь живы родители, она бы исполнилась и без этой квоты, которую давали кому угодно, только не жителям нашего района. Но сейчас это попросту невозможно.

– Я очень благодарна вам Филипп, но вынуждена отказаться.

Судя по лицу чиновника, он засомневался в моем психическом здоровье.

– Вы не хотите изменить свою жизнь? Вам нравится...когда вас погоняют хамки вроде Илайи?

Ну да, дело именно во мне – я оскорбленно поджала губы. Из-за спины Филиппа выглянул Уллис и махнул мне, призывая заканчивать разговоры. Могла бы я...

– У меня не та жизненная ситуация, чтобы учиться. Под моей опекой сестра. Васса – другая планета. Мне дадут комнату в общежитии, а что делать ей? Законсервироваться в ожидании, пока я стану врачом? – Филипп молчал, а меня понесло. – Предположим, я смогу прятать ее под кроватью – ничего страшного, просто чаще будем мыть полы, чтобы она пылью не дышала. Но прожить вдвоем на стипендию попросту невозможно.

Бесполезно, все бесполезно. К чему эти речи, когда Филипп не представляет в каком мире мне приходится жить. Потому я улыбнулась уголками губ и постаралась взять себя в руки.

– Я очень благодарна вам, правда. Но ваша жизнь слишком далека от реалий Поганки.

Филипп неожиданно вскинул на меня острый взгляд. Мгновение мне казалось, что я нарвалась на грубость, или на увольнение... Лучше бы первое.

– Я понял. Вам пора идти.

Несмотря на проверку и на увольнение некоторых власть имущих, прием больных продолжался и работы у персонала хватало. Возможно, завтра корпус закроют, но сегодня я выполняла обычные манипуляции. И все шло как всегда – лишь немного кололо осознание того, что у меня оказывается имелась возможность изменить свою жизнь.

– Алия, пройдите к переговорному пункту.

Вызов прозвучал на весь корпус и отчего-то я решила, что это звонок из опеки. Вдруг Олли все же успела нагадить напоследок – такая гадина и из мест заключения заявление напишет, чтобы жизнь испортить. Немного волнуясь, я прошла к аппарату. Секретарь странно взглянула на меня и осторожно подвинула телефон ближе.

– Кто? – одними губами спросила я и похолодела, поняв практически беззвучный ответ:

– СИБ.

Я знала по какому поводу звонок еще до того, как деревянными губами произнесла свое имя. Так что сообщение о том, что Лиля Макбрин в участке и требуется мое присутствие как опекуна, не шокировало.

Я положила трубку и какое-то время смотрела на телефон, не отрывая от него ледяных пальцев.

– Ну что там? – прошептала изнывающая от любопытства секретарь, и я вздрогнула, осознав, что вообще-то не одна.

– Все хорошо, – прошептала, сама не веря своим словам. – Но мне нужно уйти. По делам.

Секретарь понимающе закивала. Конечно-конечно, позвонили из СИБ и теперь у меня какие-то дела появились. В ее глазах я видела усмешку и готовность к разнесению сплетен.

– У кого теперь отпрашиваться?

– У Филиппа Эслаутера, проверяющего этого, – секретарь даже наклонилась, чтобы было удобнее вещать, – ты посмотри какой бессовестный – проник к нам обманом, а теперь...

У меня не было ни сил, ни времени перебивать кому-то кости, а потому я неопределенно махнула головой и практически бегом покинула приемную.

Филиппа я отыскала быстро: вместе с комиссией он был в кабинете директора и рассматривал документы. Я влетела в кабинет и остановилась на пороге, не понимая, как к нему теперь обращаться.

– Алия? – счастье, что Филипп заметил меня сам. Заметил и оценил панику на моем лице. – Что-то случилось?

Члены комиссии дружно сделали вид, что ничего странного не происходит: подняли на меня мутные от огромного количества документации глаза и дружно опустили их обратно.

Я задыхалась от ужаса. Стояла, вцепившись в ручку двери, сжимала ее до такой степени, что побелели пальцы, и не знала, что скажу Филиппу. Чем он может мне помочь? Да и зачем ему это нужно?

Мужчина приобнял меня за плечи и осторожно вывел в коридор. Мы стояли так близко, что со стороны походило на объятия, но мне было все равно.

– Моя сестра, – выдохнула я, – ее забрали в СИБ. Скажите, Олли все же отправила сообщение о моей неблагонадежности? От этого многое зависит.

– Постой-постой, – Филипп взял мои ладони в свои и легонько сжал. На контрасте с горячей кожей я поняла, насколько мои пальцы замерзли. – Твоя сестра что-то натворила?

– Скорее всего, – я рассматривала наши руки и боялась поднять взгляд. – Вы можете, – я гулко сглотнула, – посодействовать, чтобы ее отпустили.

Тишина. Я поняла, насколько это жалко и нагло прозвучала и зажмурилась. Из последних сил, пытаясь спасти ситуацию, добавила: – Отпустили ко мне...

Филипп молчал, а я вдруг вспомнила, как он требовал от Олли, чтобы все было «по закону». Все зря. Вот она моя жизнь во всей красе: единственный знакомый чиновник, и с тем договориться невозможно. Разозлившись, я наконец посмотрела на Филиппа.

– Вы должны мне! Вы подставили меня перед Олли, перед опекой.

Я старалась не вспоминать, что при этом совсем недавно Филипп спас мне жизнь.

– Алия, я совсем из другого ведомства, – спокойно ответил мужчина. – К тому же, если твоя сестра действительно совершила правонарушение, она должна быть наказана.

– Накажут меня, – я закусила губу, чтобы не разрыдаться. Плакать буду позднее, не сейчас. – Скажут, что я не могу справиться с сестрой, подаю ей плохой пример...

– Но тебе действительно некогда ей заниматься, – мягко заметил Филипп, а мне хотелось его ударить. Мгновение я вглядывалась в его лицо, испытывая жгучую пустоту.

– Благодарю, – произнесла сухо и безжизненно, высвобождая руки.

– Алия, стой. Не надо так, все образуется.

Я отступила на шаг и повторила:

– Благодарю.

Свежеотремонтированное отделение СИБ выглядело свежо и холодно, в целом напоминала улей Фрибринских пчел: белые с золотом стены, а все сотрудники в одинаковой черной форме, суетятся, переходят с места на место и громко переговариваются. Меня встретили как-то слишком уж радушно, из чего я сделала вывод, что срочно нужно искать правозащитника.

Подозрения мои подтвердились, когда следователь ввел меня в курс дела.

Моя сестра совместно с Габридом и еще парочкой подельников (желаю им всем безудержного поноса в камере) влезли в дом чудесного гражданина, который являлся ни больше ни меньше дипломатом планеты Ваоль. Открыв дверь и нисколько не смущаясь тому, что скорее всего в доме посла помимо хлипкого замка есть и дополнительная защита, Габрид с сотоварищами принялись складывать в мешки все, что плохо лежит. По их мнению, плохо лежала посуда досингарийской эпохи, пара бриллиантовых запонок и слитки ковальского золота (следователям бы поинтересоваться откуда они у дипломата). В итоге, трофеев они набрали минимум на пять лет заключения в Ригарийской тюрьме, но Лиле повезло: сама она в дом не входила, да еще и несовершеннолетняя, так что могла обойтись условным заключением и обязательными работами на благо империи. Все это я узнала от следователя СИБ, которого слушала, стгорая от стыда. Наверное, именно так чувствуют себя родители, когда их отчитывают за непослушных детей.

Вся эта атмосфера – светлые стены, аскетичная обстановка и вышколенный безэмоциональный следователь, для которого имело значение лишь быстрое раскрытие преступления, пугали меня.

– Я могу ее забрать? – голос мой звучал робко и испуганно. Следователь как будто даже задумался.

– Только если под залог. У вас есть 300 000 кнеллей?

300 000? Я думала, что мне тошнит? Нет, по-настоящему тошно мне стало только сейчас. За год работы медсестрой, без выходных и с дополнительными сменами, я могла заработать максимум 360 000 кнеллей. Но за год вперед мне зарплату никто не выплатит. А следователь продолжал меня добивать:

– К тому же, вы всего лишь опекун. И мы будем вынуждены, повторяю, вынуждены, донести соответствующим органам, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

– Это ошибка! – я слышала свой голос будто бы со стороны – неубедительно звучал, неубедительно. – Лила просто попала не в то место и не в то время. Пожалуйста, не сообщайте в опеку.

Следователь покачал головой:

– Камера СИБ – не лучшее место для молодой девушки. Даже если, – он выделил «если» голосом, – если это случайность, то даже месяц пребывания здесь сделает из вашей сестры другого человека. Так что я настоятельно советую вам все же найти деньги.

Должен же быть какой-то выход? Я с отчаянием смотрела на следователя – молодой мужчина, неужели успел озлобиться на весь свет?

Я глубоко вдохнула и встала со стула. Вот бы Илайю сюда. Уверена, ей не составило бы труда договориться даже с глухонемым инопланетянином какой-нибудь отсталой планеты, лишь бы он был мужского пола. Постаралась представить себя ненавистной Илайей и маняще улыбнулась, наклоняясь так, чтобы была видна грудь.

– Могу я надеяться, что если все же найду деньги, опека узнает о произошедшем как можно позже?

Что-то не заметно было во взгляде следователя заинтересованности – больше на жалость похоже. Да уж, для соблазнения, по-видимому, надо иметь хотя бы третий размер груди.

– Я даю вам три дня, – следователь с трудом скрывал улыбку. Я вспыхнула от стыда – соблазнительница, мать вашу. – Если денег не будет, утром четвертого дня опека будет оповещена об инциденте.

– А если я найду деньги?

– Значит, она узнает об этом намного позже.

И почему мне кажется, что у следователя есть свой интерес?

[1] Служба имперской безопасности

[2] Служба имперской безопасности

Глава 4

Четыре дня, чтобы найти сумму, практически равную моей годовой зарплате. Или я найду ее, или нормального будущего у моей сестры уже не будет. Страшна не Поганка, но ее жители. И если расти в детском доме, в окружении уже сломленных общей атмосферой подростков, вырваться из нашего района уже не получится.

Спрятаться бы на время... Не сможет опека забрать у меня Лилу, пока не вручит об этом уведомление. Но что говорить, если без денег она останется в СИБ?

Замкнутый круг какой-то.

Я застонала и упала на скрещенные руки.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.